

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

КАМЕНЬ

РАССКАЗ

Идёт липучий снег. Рыхлые, тяжёлые водянистые капли устилают землю. То, что этот снег долго не залежится, знают и Егор Михайлович, и Алексей Николаевич.

Тарахтит старенький колёсный трактор. Стеклоочиститель усердно трудится, сгребая со стекла пухлые молочные сгустки. Чувство заброшенности, одичания вызывают у обоих мужиков многолетняя дурная трава, густо поработившая поля, исхлётанные ветрами голые деревья, деревня с обвалившимися крышами, поваленные столбы радиолинии, снег, что летучая мошкара, лезущий в кабину...

Сырость, слякоть.

Солнце уже давно не тужится, солнце сделало длинный пас осени и ушло в дремотный отпуск.

Тесно в кабине. Пассажиры Егор Михайлович сидит боком, стараясь дать возможность управления Алексею Николаевичу. Алексей Николаевич похож на пилота, ведущего машину при нулевой видимости. Сухое, жёсткое лицо с немигающими глазами усиливает сходство. Высокий лоб лохматится дремучими седыми бровями. Алексей Николаевич не конфликтный товарищ, для него мнение жены (спокойной, как танк) важнее указа президента страны.

Они едут за мельничными камнями. С год, как бывший колхозный бригадир Егор Михайлович вынашивает идею поставить у входа в районный музей два мельничных камня. Станут любопытные граждане мимо проходить и увидят чудо из чудес, станут гадать да головами качать: это надо же! Как это в диком камне диаметром метр тридцать сантиметров, пятьдесят сантиметров

МИШНЕВ Станислав Михайлович родился в 1946 году в Вологодской области. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии имени В. М. Шукшина, имени В. И. Белова. Член Союза писателей России. Живёт в д. Старый Двор Вологодской области.

в поперечнике, высверлить дыру диаметром пятнадцать сантиметров? “Во, — скажут гордые за своих далёких предков, — а то некоторые грамотеи отягивают презрительно губы: “Де-рев-ня!” Вот тебе и дикая да тупая деревня! А хвати эдакую тяжесть весом килограммов шестьсот отесать, обровнять потом, заготовка была во сколько раз больше? Чем, каким инструментом? А как погрузить? Как и откуда эти камни привезли? Музейным работникам подсказать, чтоб никакой информации не давали. Где была мельница, кто последний владелец — тайна. Пускай народ котелком своим обихаживает своё родословное древо: в нашем роду мельники были?”

Оба пенсионеры, оба инвалиды. У Алексея Николаевича — сахарный диабет, у Егора Михайловича пошаливает сердце.

— Баба моя... — говорит Алексей Николаевич, скосив на пассажира глаза.

Егор Михайлович придвигает к нему тёмное, хотя и чисто выбритое лицо.

— Баба говорит, не от большого ума кинулись камни собирать.

Егор Михайлович обидчивый человек, он очень страдает, если его задумка не удалась, и хотя его успокаивают, мол, по причинам, от него не зависящим, сорвалась затея, огорчённо и недоумённо пожимает плечами, порой фыркает рассерженно, а иногда стучит согнутым пальцем по своему черепу: чего-то плохо сработали мои извилины.

Сейчас, услышав от Алексея Николаевича высказывание его жены, досадливо отодвинулся.

— Ещё бы, связался со мной!

Помолчали.

Егор Михайлович смотрел в мокрое окно: мир кутался в сырой белый саван.

— Там-то как, а? — неопределённо произнёс Алексей Николаевич и указательным пальцем правой руки показал в потолок кабины.

— Не дразнись! Чего надо каждый раз уколоть меня? — сердито сказал Егор Михайлович.

— Ну, зашипел опять ежом... Я, понимаешь... а как... — опять указательный палец полез вверх. — Потревожим, а?

— Кого?

— Хозяина. Хозяина камней этих.

— Далёко тебя кинуло... Под угол, слышал, камни да жернова класть нельзя, всю жизнь извертят, а тут... будут у музея стоять... Чего тут худого?.. У Шуры Совы, сказывают, под углами жернова лежат, так потому и парня зарезали в драке, и девка утонула, и матку парализовало...

Мельника Терентия Россохина раскулачили в тридцатом. Пошвыряли второпях, как воры, сказывали очевидцы, контуженные винными парами партийные товарищи кой-какого добра на дровни, вывели связанными из дому хозяина и хозяйку, усадили, рыдающих, на другие дровни кинули тулуп, велели: “Живо прыгайте, кулачки!” — плачущим семерым детишкам и повезли всех в лютой мороз на Печору. Нынче на месте Терёхиной мельницы вымахали высокие осины. В начале семидесятых годов остатки мельницы разломали большими тракторами — проводилось осушение наволоков. Но елань, рубленную одним топором, даже трактора не могли выдрать!

В дороге, в раздумье легко уйти в себя, оборвать разговор, и ехать, ехать, не замечая времени, и возобновить его на том же самом месте.

— Чего тут худого? — продолжает мысль Егор Михайлович. — Наоборот!

— Не знаю.

Трудно дались им эти камни. Сначала трактором выгнали на сухое место — Алексей Николаевич не раз прощупал ногами путь: “Как да усядусь, кто меня выгачит?” Он раза два напомнил Егору Михайловичу, что трактор ему “по рублику, по копеечке, по бутылочке водочки” достался, “не сверху в подвал свалился”: когда колхозную технику разворовывали и пропывали, ему по паям начислили в колхозной конторе “хрен целых ноль десятых”, а его жену, которая работала тогда дояркой, “премировали” десятью тоннами навоза и месячным телёнком... Выкопали ямки под колёса прицепа — всё ниже подъём! — и длинным тросом, не раз меня положение

трактора, затащили. Ещё и указательный палец правой руки Алексея Николаевича порвали ржавым, найденным лет пять назад в лесу тросом с лебёдки трелёвочного трактора. Пришлось оторвать полоску тельняшки и перебинтовать в полевых условиях.

Перепотели оба. Алексей Николаевич съел горбушку чёрного хлеба: с сахарным диабетом не шутят! Егор Михайлович проглотил две таблетки.

Вблок от Терёхиной мельницы до дому — десять километров. Тихонько едут обратно, часто оглядываются: тут ли камни, не сползли ли по скользкому днищу?

Оттирает Егор Михайлович шапкой лицо, тяжело дышит.

— Я всё равно, понимаешь... — забинтованный указательный палец Алексея Николаевича тычется в потолок кабины. — Непокойно на душе. Сидеть бы сейчас у ящика... тут ещё баба стружку снимает...

— Звоню директору музея, так и так, а она: “Увы, нет денег. Художник принёс картины, наваливает: “Возьмите бесплатно, двадцать четыре картины! Оплатите только стоимость рам. — Да оплатим, когда в бюджете будут деньги”. Даже приехать и посмотреть камни — денег нет! Смех на ниточке. Иконы, самовары, братыни, полотенца, кросна, Господи-и! Всё вычистили проходимцы, а для музея, для детишек, для будущего!.. Вот что мы за люди? Какую силу сердца свел наш век, какую силу погубил! У нас вот тут, — Егор Михайлович стучит пальцем по своему темечку, — пустота космическая!

— На днях по ящику болтали: на смену серой власти придёт чёрная. Негры, что ли? Или китайцы?

— У нас своих негров до выгребу — Москва захлебнулась!

Привезли камни домой.

День идёт, другой топчется, топчутся и Егор Михайлович с Алексеем Николаевичем возле камней.

— Может, в интернет выложить, мол, камни продаём, а? Запросить так тысячи три на топливо? Велю внучонку, он на это дело смыслённый, — предлагает Егор Михайлович.

— Кабы колокол литой тонн под десять, тогда бы американцы или евреи залебезили, а то камни какие-то, — говорит Алексей Николаевич. — Баба моя говорит... — вздыхает. — Говорит, дураки вы старые. Вас жизнь ничему не научила. Страну разворовали, а вы камням рады.

— Это верно, — смеётся Егор Михайлович. — Скажи бабе, что “нам чужой земли не надо пяди, но и своей клочка не отдадим!”

— Ага, нас с тобой спросят, кому отдавать, — хмыкает Алексей Николаевич. — Ты где свою землю застолбить собираешься, в Арктике? Там, по “ящику” чушь несут, нефть для всего мира качать будем.

— Не-е, на своём кладбище.

Неделя минула — три раза по мобильнику наседали на директора музея Егор Михайловича, грозился самому главе района пожаловаться на бездействие.

— Да поймите вы: погрузить — надо нанимать машину, привезти, сгрузить, установить! Где, где мне взять деньги? Вы не поверите, у нас в музее даже туалета нет. Придут школьники на экскурсию, мы заранее ведро ставим, — отбивалась женщина.

— Вам камни надо? — горячился Егор Михайлович.

— Боже мой! Да как не надо?! Может быть, камни — последнее, что есть от нашей малой родины! Но как, как, вы подскажите... А вы привезти не можете?

— Дожили! При красной власти весь райком партии эти камни, как бурлаки на Волге, тащить бы вышел, а теперь!.. Куда, куда мы на своей развалюхе сунемся? Нам за наш трактор такой штраф выпишут — мама, не горюй! Под Курском с поля боя мой отец танки обгоревшие вытаскивал тросом — лучше смотрелись. А на чём везти, на воде?

Четвёртый раз номер на мобильнике набрал, ну, думает, посолою всех чиновников крепким матом и шабаш, больше не потревожу, постоял, повздыхал и опустил мобильник в карман.

Воздух набух туманом. Туман шевелился, двигался по земле сизым сумраком, густел и жался к реке.

Ударил мороз, крепкий мороз.

Сошлись поделники, одетые по зимней форме в шубы, валенки, шапки.
— О-о-о! — сказал Алексей Николаевич, пряча лицо своё в воротник шубы.

— Поджимает, Николаич! Ну, как житуха? — спрашивает Егор Михайлович.

— Живу пока, на похороны деньги коплю. Под утро, понимаешь, грудь заложило... и вчера мяло-корёжило. Баба говорит: от камня. Дух Терентия, — забинтованный палец указывает в свинцовое небо, — смотрит... У бабы на языке мозоль выросла: “Нельзя трогать то, что не тобой положено!”

— Они сговорились, что ли, бабы-то? — раздул ноздри Егор Михайлович. — И моя в ту же дуду.

— Бабы народ чувствительный. Бабы, — говорит и оглядывается, — они, как ведьмы... Тут, — трясёт пальцем над камнем, — все слёзы Терентия, и жены, и детишек в себя вобрали эти каменюги.

Ладонь к камню приложил.

— Студёный камень. Понятное дело...

Думал да думал Егор Михайлович про слёзы, боль, тоску и обиду, лишения, про многое думал, что вынесла семья Терентия Россохина, и вот однажды под утро, как и Алексею Николаевичу, стало ему неудобно. Лежит на кровати, жена у печки хлопочет, и явственно видит он сидящего на снегу босого старика, одетого во всякое рваньё, и усмехается ему старик удивительно доброй и ласковой улыбкой, и с трудом, тихо говорит:

— Отдай мне моё.

И так трогательно проста была просьба, и такое человеческое величие было в том, что слышал Егор Михайлович! Есть ли на свете слова, могущие заменить душевный стон? Нет таких слов, и быть не должно!

— Это... это что мне отдать?.. Как тебя по имени-батюшке, прости, запомнил? — спрашивает, весь наполняясь страхом.

— Тятю не тревожь. Терёха я, мельник.

Того же дня повезли Егор Михайлович с Алексеем Николаевичем камни обратно. Топлива мало, потому в долг под запись выпросили у продавца тысячу рублей. Заказали такси. Часу не прошло — три канистры по десять литров стоят возле колеса трактора. Нарочно Егор Михайлович баню натопил, воды нагрел — старенького железного коня беречь надо.

Обратная дорога всегда легче.

— Баба утром икону умывала, — говорит Алексей Николаевич.

— Неужели у вас иконы настоящие сохранились? — удивляется Егор Михайлович.

— Какое! В церкви купила. Разве в том сила, настоящая она или нет? Сила, понимаешь... В левой руке — финиковая ветка, а в правой — копьё с белой хоругвью, а на хоругви — червлённый крест. Я по ящику про Михаила смотрел, он правильно зовётся Архистратигом всех сил небесных. Вот сила иконы, понимаешь, как бы доходчиво сказать...

— А чего бабу икону мыть бросило?

— Чего, чего... В смиреннии жить надо.

— А то мы с тобой жеребцы необъезженные! — фыркает Егор Михайлович. — Кто ещё смиреннее нас живёт, исправных налогоплательщиков, послушных избирателей? Тьфу! Слушать тебя не хочу!

С телеги выгружали бережнее, чем грузили.

И положили камень на камень, чтоб издали видеть. В самые осины сгрузили, для чего четыре дерева свалили пилой да трактором оттащили прочь.

Из берега бьёт родник. Будто отвернули кран у земного самовара, и льётся, льётся кипяток тугой струёй, только подставляй чашки. Вымыл в той воде руки Егор Михайлович, умылся, отирает лицо шапкой. А напарник Алексей Николаевич гладит шершавой своей рукой верхний, мохом поросший камень.

— Промоханулись, с кем не бывает... Нет-нет, не корысти ради, по доброте, понимаешь... То в жар кинет, то в холод... — из горла его шла бесвязная, убедительная речь, что потревожили они спящий дух не со зла.

— Михалыч! Ты не поверишь!.. Иди, пощупай, ей-богу, камень тёплый! Сели в кабину, переглянулись и достали лекарство: один — кусок чёрного хлеба, другой — таблетки.

Алексей Николаевич приглаживает седые брови.

— Слава Богу, избавились. Я, понимаешь, давно бы один свёз, да, думаю, обидишься... — облегчённо говорит Алексей Николаевич. — Баба всю плешь переела, и там, — опять указательный палец тычется в небо, — там спокойнее... Я вот своим худым умом так раскидываю: тут, над этим местом, дух мельника и всей родни его завис. Я по ящику насмотрелся, как мумии египетские вскрывали, как на всех кладоискателей небесная кара пала...

Тут звонит директор музея:

— Говорила с одним богатым бизнесменом, возьмёт ваши камни.

— Это тот, у которого бассейн с крокодилом под окнами, который скачки на страусах устраивает и машинами торгует? — Егор Михайлович подмигивает Алексею Николаевичу: мы в курсах, кто в районе главный буржуй.

— Да, да! А — очень большой человек! Даст вам две тысячи рублей.

Это “а — очень” выдало тайный восторг директорши.

Егор Михайлович со злостью ткнул пальцем на мобильнике кнопку.

— И нас бы продала, зараза!

Снова трещит мобильник.

— Не горячись, не горячись, поговори, она баба подневольная, — советует Алексей Николаевич.

С минуту трещал мобильник, а Егор Михайлович в себя приходил.

— Тут такая неувязка... прицеп понадобился, стали разгружать, мороз сегодня под двадцать пять, камень о камень шмякнулся, и всё, на куски! Вы уж извините, побеспокоили вас.

— Жаль, жаль... А может, оно и к лучшему.

Правятся домой Алексей Николаевич с Егором Михайловичем. Едут низом, вдоль наволоков. Сверху смотрят на них пустые глазницы окон брошенной, догнивающей деревни.

— Терёхин дом, сказывают, от конюшни вторым стоял, не помнишь? — спрашивает Алексей Николаевич.

— Мы с тобой за одной партой сидели, если ты не помнишь, откуда я помню?

Смеются: пишок тебе под носок, страусятник! Чтобы ты и подобная тебе беспардонная публика на наши камни мочились?!

Белые деревья в брошенной деревне, одна лишь ель торжествует большим и ярким зелёным пятном. Воздух шуршит под колёсами трактора.

Ночью красная, уродливо отрезанная щербатым серпом луна, вся напрягаясь гневом, торчала в небе. А само небо отверстие было обсыпано звёздами, будто крупной солью. И медленно, почти осознанно, двигались по вечному волоку от Терёхиной мельницы, соль вжимая в твердь, два лёгких, белесых облачка. Куда? Туда, где вдумчивый рассвет высветит поутру новый день.

По “ящику” четыре канала одновременно шприцевали запакованных в кресла и диваны жертв развлекательной “динамической нагрузкой”; это было и страшно, и захватывающе, и совершенно непричастно: из Москвы вырывалась банда с награбленными миллиардами, в Америке горел целый город, на японский берег высаживались саламандры, в Антарктиде бурили скважину и закладывали ядерный заряд. Уже давно обыватель не чувствует чужой боли, притерпелся.

“Мир не собака, сойдёт с ума — на цепь не посадишь. — Мысли у Алексея Николаевича сегодня ясные. — Не дал мне Бог таланту, а кабы дал, нарисовал бы я адскую мельницу, жернова, плотину, и бежит вместо воды в реке кровь людская, и стоит сверху дьявол в своём мерзком дьявольском камзоле и потешается, довольный... — Скосил глаза на спящую по соседству в кресле жену: фу, хорошо хоть вслух не произнёс такое! Приветал, на икону в углу посмотрел и сел обратно. — Кабы талант... Нарисовал бы я мальчонку с удочкой на берегу реки у Терёхиной мельницы, а небо над мальчонкой чистое и глубокое, и солнце... много солнца! За какую же горюшку закатилось ты, солнце моего детства?..”